

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0022.01.01

Нина Аукимена

28 октября 2011

Таре #1

- Здравствуйте.
- Здравствуйте.
- Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию.
- Теперешнюю?
- Да.
- Фамилия Аукимена Нина.
- Какого года рождения Вы?
- 1926-ы.
- Где Вы родились?
- Деревня Фундаминка, Гомельская область, Чечерский район.
- К Вам недавно приходили наши коллеги и Вы разговаривали с ними и рассказывали о том, что вы видели, что Вы знаете со времен Второй мировой войны. Мы приехали, что бы заснять Ваши воспоминания на видео. И для начала скажите, пожалуйста, когда началась война, в 41-ом, где вы находились?
- Дома. Где ж?
- В Фундаминке?
- Деревня Фундаминка.
- Вы помните как началась война?
- Ну конечно, помню.
- И что именно вы помните?
- Ну, что я помню? 22-ого июня, ровно в четыре часа. Киев бомбили. Нам объявили, что началась война. Ночью, в нашем доме, потому что в нашем доме была колхозная контора. У нас, у нас домик с

трёх комнат состоял. А раней, у людей только по одной комнатке было. И у нас была эта колхозная контора.

- Мы остановимся немножко. Проблемы. Извините, мы продолжим. Так что Вы говорили? Вы говорите, что начали бомбить?
- Ну конечно ж я помню.
- И что потом произошло? Помните как немцы вошли?
- Помню. Вошли немцы в деревню. Не знаю на который это день было. Через два дня сразу папу нашего забрали на фронт. А нас четверо осталось дома, и больная в постели лежала мама.
- Вас четверо детей было?
- Четверо детей наших.
- И Вы были самой старшей?
- Нет, я вторая. Потому что третья сестра, четвертый братик был. И вот мы остались вчетвером. Папу забрали на фронт. Вступили немцы в нашу деревню и когда зашли в наш дом, у нас на стенах были плакаты «Да здравствует коммунистическая партия!». Ленин, Сталин... на стене были. И вот за нас, и ведут. Забрали нас троих, бо третья сестра наша была у тети как раз, как то немцы пришли до нас домой.
- Сестра старшая была у тети? Или младшая?
- Нет, младшая. А старшая, я и братик были дома. И вот, раз такие плакаты у нас, то все, значит, мы-то коммунисты, нас надо расстреливать, так закон был он там.
- Вы сказали, что мама ваша больная была, она в постели.
- Ну, они же видели. Они же видели.
- Ее оставили?
- Оставили. Она лежала. Она еще в сознании была, но она совсем уже не ходила мама. И мама осталась дома, а нас повели. Втроем. На

расстрел. И вот вяде немец, я вам уже, наверное, рассказывала, мне пришло до головы, что если я дам в морду этому немцу, то он меня забье и все, меня уже не надо будет вести, бо уже мы знали об том, что около колхозного сарая была выкопана большая яма. Для того, каб увивать виновных людей, которые связь имели, которых поймали уже, в партизанах были, и которые, одним словом, были подозрительные люди. Их всех вели расстреливать в эту яму.

- А откуда Вы знали про это? Что там ямы? Что там расстреливали?
- Потому что мы не далеко там жили. Ну, мы ж дома не сидели, выйдешь на улицу и рассказывают нам, там вот сосед говорит забрали одного из нашего соседа, мать тоже забрали. Но нас вели, сестру и меня и брата, на расстрел, немец один.
- Всего лишь один немец был, который зашел к вам?
- Один вел, один немец вел нас туда. И когда я ударила, он только достал шомпол с ружья и меня ударил несколько раз, не стал бить, и нас повели туда. Привели до той ямы и он, той немец, который нас вел, нас оставил, а там уже стоял на посту други немец. И сам он пошел. А этот, который остался, уже этот немец далеко был от него, поглядел что мы дети. Так как и у нас люди хорошие, так и немцы. Кто-то хочет воевать? Аккуратный человек. И он на нас, мол, показывает, по-немецки гаворить, но я по-немецки не умела, «Убегайте, уходите отсюда!». И мы ушли. Ушли куда? Потому что там недалеко, около колхозного сарая большучая была трава - лопухи. Знаете лопухи? Траву эту? И говорит: «Ложитесь в лопухи эти, и вы будете живы.», показывает этот немец. Мы так и остались живые.
- А когда к вам в дом пришли, тогда пришел вот этот один только немец или несколько немцев?

- Нет, несколько немцев были на дворе, стояли, а один зашел в хату и сказал «Альт! Альт! Выходите с хаты!». За нас и повел.
- И вот этот вас и повел немец?
- Вот этот и повел.
- Вы сказали, что Вам в голову пришло ударить, Вы просто ударили его по лицу? Или как? Как Вы его ударили?
- По лицу. Сжала кулак. И так вот ударила его по лицу, прям аж кровь пошла с носа у него, я так ударила его. Это мне пришло до головы, что как ударю его и он меня застрелит, и все, мне не надо будет в яму тую. Понимаете? Мы же знали, что ведут нас уже на расстрел.
- И Вы сказали, что он ударил Вас шомполом?
- Шомполом.
- Говорил что-то? Кричал на Вас?
- Ну конечно он крикнул, что, мол, не стану стрелять в итоге, ничего, ударил меня и погнал нас вперед.
- А эта яма, она как далеко была от Вашего дома?
- Не далеко. Наша деревня очень большая. За время войны около 200-и человек у нас забили всех. У нас большущая деревня. И где наш дом, там, одним словом, две улицы, переулок был, мы жили в переулке этом. И этот переулок был недалеко от этого колхозного того.
- Ну, примерно, сколько метров или сколько от вашего дома? Или километр?
- Да ну, километра нет, может с полкилометра, а то и меньше до того сарая.
- А когда Вас туда привели, вы говорили, что там большущая яма была, да?
- Да.

- Я так понимаю, что как...Вы говорили, что там был один немец.
- Один немец.
- Но там в этой яме был кто-то застреленный? Или она была пустая?
- Еще никого не было. Нас привели первых. Тую яму приготовили. Как они стреляли? Они пригнали вот, примерно, нас, каб уже нас расстреливали, живая я должна лечь в яму, легти, потом они стреляют, и вот таким вот способом. Но еще нас привели первыми, потому что мы ближними были, а потом уже...
- А каких размеров приблизительно была яма?
- Ну я её не мерила, большая. Большая была яма.
- Ну вот, как эта комната? Или меньше?
- Ну, комната, что там говорите комната? Ну не большая, можа метра два, ну больш можа, два с половиной длины и ширина не такая широкая, не большая яма.
- Не большая?
- Не большая.
- Но Вы видели когда ее рыли? Почему Вы говорили что знали что там была яма?
- Нет, нет, мы не видели когда ее рыли, но мы уже знали о том, что яма уже вырыта для того, каб расстреливать людей.
- А от кого вы узнали?
- От людей, люди же, мы же общались с людьми.
- И это все происходило в первые дни, когда только зашли немцы? Или попозже произошло вот это?
- Я не знаю, ти это яки день, можа не первы день, можа ти вторы, ти то трети день. Ти я могу помнить яки там день?
- Но это было в начале как бы, тогда вот?

- Одним словом, в начале, как только уступили до нас, в нашу деревню, немцы.
- Вы сейчас говорили тоже, что соседа вашего забрали. Правильно я расслышала? Говорили, что соседа Вашего забрали? Когда? Кто забирал? Куда?
- Соседа? Соседа забрали, я уже не знаю, кто и куда его забрали. Ты тогда его в тую яму повели расстреляли, но факт то, что это через дорогу от нас домик был хороши, поставили новы. Жил сосед, то его забрали.
- А его немцы забирали?
- Немцы.
- Вы видели когда его забирали?
- Видели. Видели.
- Только его одного? Или с семьей вместе?
- Он один был дома. Женка, он был жанаты, не знаю где-то женка была. Одним словом, его одного забрали.
- Это примерно в то же самое время когда и Вас забирали? Или это потом, попозже случилось?
- Нет, это не тады, как нас забирали. Ты то можа той день, но позже, ты то можа уже на завтра. Знаете, ты в такой жизни, все можешь вспомнить? Да и такое длительное время. И такая ж была жизнь уже, боже мой.
- А как соседа вашего звали, помните?
- Не-а, не помню.
- А потом Вы его видели, после этого случая, вот когда вы видели что его забирают?
- Нет, его забили. Не видела я его.

- А Вы сказали, что где-то 200-и человек забили. Откуда Вам такая цифра известна?
- Потому что вот только с нашей семьи, только посчитать, забили папиного одного брата и другого брата, маминой родной сестры мужа забили, другой сестры мужа забили, маминой сестры забили внука. Да только вот с нашей семьи. Потом, дальше уже там, дядька други, что с другой деревни, сына его забили. Одним словом, чуть ни у каждой хате забивали людей.
- А Вы видели когда убивали всех этих людей, родных Ваших, знакомых? Вы видели?
- Конечно ж, видела. Там что в тую яму, знаете даже что, даже мы видели, я и мой братик, как это привели молодого, высокий таки парень, и тоже его заставили, каб он в яму палез, а он не палез, а пабег около ямы. Это мы видели сами, это я сама видела. Как он пабег около ямы и в него выстрелили, и забили. Он упал. Вот.
- И Вы видели как в него стреляли?
- Видела.
- Когда принесли этого человека молодого, его одного привели или в группе его привели с кем то?
- Нет, там было уже много людей. Там уже около ямы было уже несколько человек.
- Около ямы уже расстрелянных?
- Нерасстреленных. Живых.
- То есть они ждали очереди?
- Их же должны были, что сами полезли в яму и их стреляли. Много человек уже было.
- Это вы из лопухов видели? Или это было позже, в другой раз?

- Это не из лопухов. Мы уже из лопухов вышли. Мы уже знали, что нас не тронут, мы наблюдали около одного дома там, не далеко.
- Но это в тоже самое время когда Вы выжили?
- В тое самое время.
- И Вы были возле одного дома? А как далеко этот дом был от ямы?
- Не совсем далеко. Не далеко. Полкилометра не было.
- Но было несколько сотен метров?
- Да. Несколько метров. Не сотен.
- Не сотен? Меньше ста метров?
- Меньше.
- И Вы видели как эту группу людей привели туда?
- Да.
- В этой группе Вы узнавали кого-то? Был кто-то из Ваших знакомых?
- Никого я там не видела.
- Но они были местные? Как бы с селенья?
- Местные. Местные были люди. Наши были люди. Наши, с нашей деревни люди.
- И их привозили немцы?
- Немцы.
- Так что, Вы увидели только вот этого человека как застрелили, молодого?
- Да.
- Или видели до конца как расстреляли всех остальных.
- Нет, не видели. Мы побегли. Потому что уже не хватало, как это вам сказать, здоровья и терпения глядеть как то людей заставляют лечь в яму и стреляют их. Мы побежали. Мы уже видели как привезли их,

привели, этих людей пригнали, а потом уже как расстреливали, то не, мы уже там не были.

- Из этих людей, там были все мужчины? Или там были женщины?
- Нет, там и мужчины, там и дети, там и женщины, там все были и всякие были.
- Это были белорусы или были евреи?
- Наши белорусы! С нашей деревни люди все! Ни то что откуда-то их. Это з нашей деревни. Оны уже все считали, что тут много, лес не далеко, что партизаны мы, что с партизанами мы связаны, что адняя на фронте, другие в партизанах, а другие что связь у них, их надо уничтожить. Немцы так планировали.
- Ваших родных, вот Вы упоминали, какие-то Ваши дяди или родные, когда их забирали, вы видели? Из дома? Или когда стреляли?
- Каго?
- Ваших родных. Вот Вы говорили что дядя ваш один...
- Что позабирали?
- Да.
- Нет, их то уже забили когда...вот мой дядя один тута он. Город Лобже, чули? Он был врачом в Лобже. Это я вам говорю сколько людей с нашей деревни памерло.
- Так.
- Но это они, не этот самый. И другого дядьку забили на фронте, папиного брата. Гэта мы не видели, не. Гэтага я не видела. Они ж, которые на фронте, которые в партизанах погибли. Мала в партизанах погибли? Окружали гэтыя немцы их.
- А из Вашей деревни, кто-нибудь из родственников был убит?
- Убит?
- Да.

- Около 200-и человек, я вам уже говорила.
- Нет, я спрашиваю из Ваших родственников, из родных.
- В тот раз?
- Да.
- Да, был убит маминой сестры сын молодцы. Убит был.
- А как звали сына?
- Коля.
- Коля, да?
- Николай. Это маминой сестры сын. Его убили. Мы сами его забирали и хоронили. Потом моей подруги, мы вместе учились с ней, ее батька забили тады. Иван звали. Батька забили в той яме тоже. Хоронили потом уже его, забирали, доставали с ямы.
- Когда Вы говорили что сидели или стояли возле этого дома, Вы видели их от туда? Этого Колю? Было видно?
- Нет, не видно было. Далековато уже. С полкилометра, как уже там углядишь кто там, ти там Коля, ти там Ваня.
- И Вы говорите, что забирали труп, это уже в тот же день, или на другой день вы пришли забирать?
- На другой день уже. В той день не давали. Стоял часовы и не давал забирать трупы. А уже на други день они, эти немцы пошли, а родственники, которые пооставались, и забирали эти трупы и хоронили.
- Вы говорите, что там дети тоже были?
- Были и дети.
- Помните кого-то из детей?
- Не-а. Не помню.
- В прошлый раз Вы говорили про какую то дочку, Дарья, или тоже Ваши родственники?

- Дарья?
- Да. Говорили, что 12-летняя девочка была Дарья.
- Ах, не помню я уже.
- Ну, ничего.
- Скажите, пожалуйста, а в вашей деревне еврей были?
- Еврей? Не, наверное, не было у нас евреев. Хм ...Чему не было? Четыре семьи. Что-то я уже пляту, что не было? Простите, вы знаете, человек стареет, он уже дурны.
- Четыре семьи было евреев. Я с этими евреями даже ходила в школу. Даже помню фамилию Гуревич Маня была, я с Манею Гуревич ходила в школу, Абрам Вишневский, тоже он со мною ходил в школу. Чакайте, кто-то яшче. Маня, Абрам, Хая, Хая Вишневская, тоже это еврейка. Четыре семьи у нас было. Они четыре дома были, одним словом, их домики были не разам, не с нашей улицей были, а отдельно. Там колхозный был сад таки хороший. И около сада была поставлено четыре домики и они там жили. Вот эти дети ходили со мной в школу. Вот. И некоторые из них, я уже не помню сколько там им было лет, в армии уже были, забрали на фронт.
- Извините за перерыв, давайте мы продолжим. Вы говорили о том, что были эти четыре семьи еврейские, и Вы знали их, по фамилии, по именам, вы знаете что случилось с ними?
- Знаю конечно.
- Можете, пожалуйста, рассказать?
- Что случилось с ними? Я ихние семьи уже и забыла, кто там у них старшие были. Но с которыми я ходила в школу, тут я прекрасно знаю, и знаю, что в один прекрасный день, мы это видели, я сама видела, и моя сестра старшая видела, как эти еврейские семьи посадили на воз, запряжена была лошадь, и повезли на расстрел. Им

выкопали.... каб я вот теперь поехала в Гомельскую область, я бы сейчас показала тое место, где выкопали яму. Ти то они уже помогали копать, ти кто там, не знаю, факт что их завязли и у той яме их расстреляли всех. С четырех семей этих после войны остался только один человек. Вернулся, был в деревне. Один человек, с четырех семей. А сколько их там душ всех было, я уже и не помню.

- А кто их посадил на воз и повез?
- Немцы! Кто жа?
- Немцы? Не знаю, может быть полицейские? Может были полицаи?
- Я не знаю там этих полицаев, но факт в том, что немцы.
- Но Вы видели когда вывозили из прямо из домов?
- Видела как они ехали прямо на возе, не с домов, а когда уже на возе, потому что этою дорогою возле нас их везли.
- И Вы пошли вслед за ними?
- Нет, мы не пошли.
- Не пошли?
- Не-а.
- Как Вы знаете что их расстреляли? Откуда узнали?
- Ну потому что ж видно!
- То есть яма была так далеко?
- Нет, это не далеко, это совсем е далеко за нашей деревней, и видно, что там. Что с возом повезли этих людей, что конь повез, и стояли мы возле своих домов, наблюдали.
- Аааа, я поняла. То есть это было на видимом расстоянии?
- Да-да.
- И там была открытая местность такая?
- Открытая – открытая.

- И вы с того расстояния могли даже видеть как люди падали? Как в них стреляли?
- Ну конечно ж видно!
- Сколько примерно метров было от вашего дома до того места?
- Можете с километр до того места. Потому что яма, что возле колхозного, то не далеко, а это уже в другую сторону.
- А сколько немцев было с ними, с повозкой?
- Черт их знает, я не знаю.
- Не помните?
- Не-а. Знаю только факт, что один был полицаем с нашей деревни. Это он много уничтожил людей. Много поддавал немцам, мол, с гэтай семьи там отец в партизанах, а с гэтай, там матери медсестрами были, ухаживали, и не то что бы медсестрами, людям же надо как ухаживали за ранеными, надо ж как и простые люди были.
- А как имя или фамилия этого полицейского?
- Не помню.
- Не помните?
- Нет.
- И что с ним случилось?
- Его забили.
- Кто?
- Партизан забили. Ночью как раз ворвался, ночью партизаны пришли, тихо было, зашли в дом, а он был дома и его дома застрелили, того полицая. Но я его прекрасно знаю. Знала того мужчину.
- Эти еврейские семьи, когда их туда повели, их расстреляли всех сразу или Вы видели как их поодиночке расстреливали?

- Нет, этого я вам не могу объяснить, потому что уже не возможно было глядеть на это. Это же страх, людей расстреливать. Я не помню.
- А Вы не помните вы слышали одиночные выстрелы или была какая-то очередь?
- Нет, очередь была. Это не одиночные выстрелы.
- А Вы пошли потом туда на место смотреть, что там случилось и как?
- Сразу не пошли, как уже отъехали эти немцы, полицаи, потом уже кто-то с людей пошел. Мы туды на месца не ходили.
- Вы туда не ходили?
- Нет.
- Но кто-то из людей пошел?
- Ну конечно ходили.
- И потом говорил? Что то рассказывал? Что он видел и как?
- Ну что ж видели? Что расстреляли их в яме и не закапали.
- Оставили так? Потом люди засыпали или кто?
- Засыпали, потому что у их уже не было никого, ни родственников, уже не было кому брать их хоронить. Понимаете? Примерно, вот так как мы, брата своего, двоюродного, маминой сестры сына, то мы забрали и везли на коляске его и похоронили.
- А кроме этого двоюродного брата Коли там были еще другие Ваши родственники?
- Кто там был други...
- Вот вы раньше говорили, что вот этот Владимир был, вашей тети Анастасии сын.
- Знаете, нешта я уже не помню, как это было. Кто-то там еще был. Не помню добра.

- А что случилось с домами этих евреев и имуществом, после того как их убили?
- Что-то?
- С домами и имуществом этих евреев? Что было потом?
- Они были пустые, эти дома стояли. Их же никого не было. Я же говорю, то расстреляли, то на фронте. И дома были пустые, что с ними сделали, я не помню. Только знаю, что кали уже не было у нас, но еще не кончилась война, кто-то пришел, один был, еврей мужчина, ходил плакал, что он остался один. Никого больше не было.
- Вы не знаете с какой семьи он был? И какая у него фамилия?
- Не помню.
- Кроме этих случаев, о которых вы рассказывали, были ли еще случаи когда вы видели как убивали людей?
- Чаму ж не? Среди улицы, на улице 21 человек был, согнали, стража там была, стояли эти полицаи или немцы, черт их знает, и их забили и двое суток не давали людям подходить до них, хоронить, что уже птицы повывеубвали глаза у людей. Двое суток лежали люди среди улицы.
- А что за люди были эти, из вашей деревни?
- С нашей деревни были все люди.
- И за что их убили?
- Ну, потому что говорили что связаны с партизанами кто-нибудь, кто в партизанах кто-нибудь, то на фронте кто-нибудь, а этих уже считали что враги, этих людей и порасстреливали.
- И Вы видели когда их расстреливали? Или уже только убитых видели?

- Убитых. Когда расстреливали нет. И ходили мы смотреть, двое суток не давали хоронить, а потом уже забирали, хоронили, и чужие люди хоронили их.
- И среди них были ваши родственники, среди этой группы людей?
- Нет, что на улице расстреливали, моих родственников не было.
- А известно ли Вам про другие подобные случаи? В других местах тоже так расстреливали людей?
- Много раз расстреливали. Не один случай, много случаев что с хат забирали людей и расстреливали.
- А Вы какие то конкретные случаи наблюдали?
- Не-а.
- Просто Вы от других узнавали?
- Да, от других. Нам было уже не до того, тому, что мы были уже голодные, у нас все позабирали, и корову забрали, и было сало – забрали, свинью большую очень партизаны забрали у лес. А мы были голодные.
- А вы не знаете, тогда в те годы войны, тогда цыган не убивали?
- Каго?
- Цыган.
- Цыган? Вот это я уже не знаю.
- Не слышали?
- Не-а.
- У нас не было цыганей.
- А военнопленных советских никогда не видели, тогда, в те годы?
- Военнопленных?
- Советских.
- Советских? Чаму ж не видела?
- А где видели?

- Военнопленных вели через нашу деревню. Военнопленных, немцы, через нашу деревню. Но знаете, что? По одной улице вели, а в конце, по-моему, той улицы, где-то там, были партизаны, и они их освободили, что у плен были забраты.
- Это было в самом начале войны или попозже?
- Нет, это в начале войны. Это в начале войны.
- Сколько людей было в этой колонне военнопленных?
- Откуда я знаю? Я не знаю.
- Было мало людей? Или там были сотни людей?
- Нет, не сотни, немного было.
- Вы видели какую то маленькую группу людей?
- Малая группа была. Немного было.
- В каком состоянии были эти военнопленные?
- Ну как вам сказать в каком состоянии они были?
- Ну как они выглядели? Когда вы видели, вот как Вам показалось, как они выглядели?
- Ну что же они, измученные военнопленные. И тоже мы все неподъевшие, голодные.
- Это было все еще лето? Или уже осень? Зима?
- Это было уже холодновато. Не зима, но...
- Осень?
- Осень была.
- Их охраняли немцы или полицейские?
- Немцы.
- И как немцы себя вели с ними?
- Ну как же они? Ведут они, не очень-то хотят идти, то все били то тым, то тым. Издевались над ними.

- Вы только одну такую колонну видели как группу такую военнопленных или несколько раз?
- Одну, один раз только.
- Вы говорили, что их освободили, Вы это от других людей узнали, что их освободили? Или Вы что то слышали?
- Я даже не то что от других людей, а их освободили, они бежали, то я сама, вот это самое, даже это видела как они около нашего дома были рады, усмехались, рады, что их освободили наши. Бежали тоже, бегли у лес.
- То есть вы видели потом, обратно они потом возвращались или что?
- Обратно возвращались они.
- И они уже убегали, да?
- Да.
- Сколько времени прошло после того как вот их повели, а потом они обратно прибежали? Сколько приблизительно времени прошло?
- Немного времени прошло, можа час-два. С нашей деревни их не увели, их тады освободили. Я ж говорю, у нашей деревни немцы вели, а эти их освободили.
- Вы какую-то перестрелку слышали тогда? Вот когда их высвобождали, Вам была слышна перестрелка?
- Эти перестрелки были бесконечные. То там стреляют, то там стреляют.
- Это в смысле, что Вы не обращали внимания, или что?
- Не обращали внимание.
- Откуда Вы узнали что их именно освободили партизаны? Они рассказывали?
- Они рассказывали.
- Потом, куда они дальше отправились?

- Отправились в лес, до партизан.
- Все понятно.
- До партизан, потому что лес у нас совсем не далеко.
- Ваша сестра старшая, она тоже жила вместе с Вами дома?
- Ну конечно.
- В каких-нибудь другим местах Вы в годы войны бывали? В других селах или в других местах?
- Нет, в других селах я не была.
- Никогда не видели что бы в других местах убивали там людей или арестовывали?
- Нет. Мы никуда, никуда мы не ходили. Там было не до походов. Мы были голодные, уже ж наша мама умерла здесь 19 августа, надо было похоронить, одни были.
- Мы знаем, что некоторые села или деревни сжигались немцами.
- Сжигали. Я знаю.
- Вы наблюдали когда-нибудь что-то подобное?
- Вот как наблюдала? Знаю даже. За лесом наша деревня, и деревня Ворошилова перед лесом, понимаете? А потом лес, а там еще две деревни. Чакайте, Рысков и Каменка кажется они называются.
- Рыжков?
- Мне кажется, что Рысков деревня и Каменка деревня. То там людей, ой...не говорите, кажется, что Каменка ближе, а совсем лес он не больши был, то чутно было, как люди кричали. А знаете чаму кричали? Их всю деревню, сколько их там осталась людей, потому что которые на фронте, которые в партизанах, а те которые были дома, всех немцы и полицаи забрали у колхозный сарай, закрыли той сарай и подпалили. А сарай той горел, а люди то кричали, и потом как он уже расплавился той сарай, люди некоторые могли

убежать, то расстреливали. Я знаю эти две деревни спалили и расстреляли. Это на наших глазах. Понимаете?

- Что было видно из вашей деревни? Что Вы могли именно видеть?
- Там же не видно было из-за лесу, только чутьно крик и видно, что там горит.
- И видели огонь и дым видели?
- Дым.
- Дым только видели?
- Да. И крик людей, понимаете?
- Что за крик? Что кричали?
- Ну люди кричат, там же ж можа сотни людей.
- Вы понимали какие-то слова?
- Нет, слов там не чутьно было. И потом эти две деревни сожгли, а на завтра бились палить нашу деревню, но пришел указ и отменили. На завтра бились, потому что говорили что-то, что буду палить нашу деревню. Но отменили. И наша деревня осталась целая.
- Скажите, пожалуйста, а были случаи когда еврей прятались у других людей и спасались вот таким способом?
- Я не знаю, я знаю только, что да нас привели, я вам уже и рассказывала, девочка Мая.
- Мая?
- Звать ее Мая. Фамилию не знаю, и па батьку не знаю. С Рогачева знаю, с города Рогачова знаю. А кто ее до нас привел? Нет в памяти у меня этого.
- Кто-то из вашей деревни ее привел?
- Не знаю даже. Не знаю. Я и в тот раз говорила вам, что я не знаю кто ее привел нам. И нам сказали, каб она писалась на нашу фамилию, по нашему батьку, что это она наша родная сестра. Но даже я не

помню в каком это году, в 41-ом началась война, это кажется было уже в 43-ем.

- В 43-ем Вы думаете, что это может быть? А как долго времени она провела в вашем доме?
- как уже все успокоилось, как уже не было войны там, уже где-то война была дальше, а у нас уже было тихо спокойно, мы уже работали, и она была трудолюбивая, помогала нам. Это было в 43-ем. А в 44-ом она уже пошла замуж.
- То есть она была взрослая девушка?
- Взрослая. Она была взрослая. Я с 26-го, сестра моя с 23-го, она может с 23-го была, конкретно не знаю с какого года, но в таком вот возрасте она была. И вот парень был, ты то он был в партизанах и уже домой пришел, ты я не помню где он был, только помню его фамилию, но даже не помню как его звать. Ярохав или Ерохав. Это он ее, эту Маю, взял замуж.
- И она осталась жива?
- Да, она немного побывала у его и они уехали в Гомель. И знаете, вот уже кончилась гэта вайна, она нам не писала, и мы ей не писали. Нам было там не до писем, нам было не да чаго, нам хватало своего гора.
- Спасибо Вам. Можно Вам задать еще несколько вопросов? Я хотела спросить вот про этого полицейского, о котором Вы упоминали? Вы говорили, что он забил много людей, откуда Вы знаете, что вот он виновен в этом?
- Ну говорили люди старшие, что он полицейский был. Павыдавал много людей, кто в партизанах связь. Люди говорили то.
- А он сам лично никогда не говорил о том, что он делал, этот полицейский?

- Ну я ж с ним не говорила.
- Вы никогда не слышали, что бы он сам что-то говорил или хвалился что он сделал или как сделал? Вы не слышали?
- Нет, не слыхала.
- Были еще другие полицейские или вот только один у вас был?
- Один был вот этот полицейский. Я узнаю той дом, где он жил.
- Других больше не было?
- Один.
- Все понятно. Спасибо Вам. Мы закончим на этом.
- Пожалуйста.